

ЗАПИСКИ ПРОВИНЦИАЛА х)

х) Записки провинциала" - так назвал эти страницы я, публикатор; автор же просто мне передал тетрадь.

В нашей литературе "записки провинциала" - оригинальный прозаический жанр, к которому обращались Тургенев, Лесков, Успенский, Чехов. ~~"Записки провинциала"~~ Пушкина - первое произведение этого плана, отличавшееся нраво-описательным характером, с изображениями историй и причуд местного значения. В 65-м номере "Часов" опубликована повесть москвича С. Григорьева "Жизнь в заброшенном месте /Страницы из записок одинокого жителя/", - отвечающая традиционной форме "записок провинциала" и показывающая, что современные писатели от нее не отказались.

Тетрадь Люциана Приходько - не стилизация, не произведение, написанное в жанре "записок провинциала", а подлинный документ, свидетельства, размышления и оценки человека, живущего в провинции. При публикации сохранено всё, относящееся к эмпирике бытия в провинции, и к судьбе автора записок.

Б.И.

Знаю одного художника, о котором хочу рассказать, о его сложной, подчас, противоречивой натуре. Звали его — Алексеем. Для окружающего его круга: его детство, юность и прошлая вообще жизнь не вызвала особого интереса; да и он сам в своем прошлом мало, что помнил, да и если, что вспоминалось, то лишь те моменты, которые ярко запечатлелись в его мозгу. Да и внешне он собою особо ничего не представлял: с невзрачным телосложением, худощавым продолговатым узким лицом; с головой, посаженной на тонкой, худой шее, упиравшейся на узкие, худые плечи; узкой впалой грудью, одним словом — имел довольно невзрачный вид. Что интересно, — то у него была особенность, невзирая на свой невзрачный вид, чем-то притягивать к себе людей: то ли своими светлыми выразительными глазами, которые как бы компенсировали недостатки его внешности, то ли своим энергичным отношением ко всему, что его окружало. Во всяком случае, он умел нравиться людям. Притягивая к себе людей, завязывая с ними глубокие дружеские отношения, он через некоторое время вызывал у них к себе чувство какого-то жуткого омерзения. Тогда его внешность вызвала большую омерзительность, чем тогда, когда с ним знакомились; им уже его голова казалась какой-то птичьей, да и туловище подстать ей; но его это мало трогало, его вообще мало трогало отношение других к себе. Его больше всего почему-то интересовали судьбы посторонних, хотя мало знакомых ему людей. То ли с профессиональной точки зрения, то ли по другим, ему одному известным причинам, он старался влезть в душу каждого нового знакомого, причем с какой-то убедитель-

ной настойчивостью. Но, как художник — был, хотя казался эрудированным, посредственным. Он ничем не отличался от своих собратьев по профессии, — обладал стандартной школой, в своих творческих поисках — однообразен и, по-видимому, по этой причине, был принят в члены Союза Художников. Ну, что же, при данных условиях у нас подобные интермедии вошли в обычный порядок. Поэтому, при сравнительной своей молодости, он стал почитаемым в общественности человеком, мало того, умудрился, правда, не знаю каким макаром, написать и защитить диссертацию и — стать преподавателем института! Здорово — не правда ли? Лично он сам говорил, ссылаясь на, якобы существующее время такое, что при желании вполне доступно выходить на такие должности и, что необязательно быть, дескать, талантливым.

же, как в те времена, — это было в действительности. Отношение. Так вот — этот упомянутый — Алексей, относится к такому типу состоявшихся педагогов, некогда защитивших диссертации, которые преподносят то, против чего я просто протестую, или, правильнее сказать, протестует моя душа, набравшаяся горького опыта. Именно такие, "понимающие жизнь", как они, — калечат культуру, которая пошла на спад; не "век науки", как доказывают некоторые недоросли 20-го века, а те, которые используют науку, как средство обогащения собственного благополучия. На деле же они наносят плесень паразитизма с маразмом в жизнь тех, кому преподносят неверные азовы, грамотность которых искажают на свой лад, сами не замечая, что подобны сборищу квартета — героям басни Крылова. А ведь педагог, относящийся равнодушно к предмету, который преподносит, — не может много дать ученику, какой бы методикой, защитившую на ученом совете, он не обладал. Насколько я осведомлен по истории искусств, в мировой истории еще не было случая, когда бы в прошлом маэстро или мастер, или мэтр — защищали бы свое право перед ученым советом на преподавание по живописи, рисунку, лепке и прочими предметами, связанными с ваянием, изображением и т.д.; тогда преимущественно учениками занимался сам мастер, который и понятия не имел о какой-либо методике; качество развития художественных задатков у уче-

ника зависело от развития самого мастера, также, как мастер зависел от запроса населения; и чем талантливее мастер — тем сильнее шло развитие у ученика. Тогда, вроде, меньше было мастеров изодела; и чем меньше мастеров — тем качественнее выпускалось продукции, тем культурнее был запрос потребителя, тем духовнее воспринималось культурное развитие художника — этот дефицит куда более ценился, как и сама культура. Этим, прошу учесть, не подчеркиваю отсутствия талантливых художников, наоборот — их даже больше, чем в прошлом, — но тенденциозность бездарей почему-то оказалась сильнее, за счет чего ощутил спад престижа этих талантливых людей.

Конечно, общее международное положение при всей своей напряженности, не может не влиять на социальные развития также, как и на культуру, — тем более необходимо развить новое отношение к ней, дабы открыть выход талантов из-за затянувшегося кризиса в культуре.

""

Эпоха двадцатого столетия в искусстве несет форму идейно-пропагандистического направления независимо от социального устройства систем государств, в котором она развивается; я хочу сказать, что эта форма возродилась в государствах любого идейного устройства — социалистического или капиталистического направлений; но какая бы не была пропагандистская форма, — содержание её все же зависит от идейной направленности государства, в котором оно развивается. Тут я вижу в лозунге "искусство принадлежит народу" противоречие: искусство принадлежит не народу, а государству, в котором любая партия любого идейного направления диктует и требует свою идею в искусстве. Но следует учесть, что идейная направленность работника искусства зависит от сознательной приверженности к той или иной партии, поэтому нейтрального работника в искусстве нет и не может быть, потому что в большей или меньшей степени человек подвержен воспитанию

системы любой партии, следовательно, любой работник различной профессии, в том числе и искусства, ни в каких условиях не может оставаться в стороне от любого направления, диктуемого партией: в противном случае — его нейтралитет расценивается как аполитичность и он будет считаться отщепенцем! В многопартийной системе какого-либо государства не примкнувшие к ~~ней~~ какой-нибудь партии впадают в нищету с угрозой последующего вымирания, в однопартийной системе — не примкнувшие попадают в число отщепенцев с угрозой, если он не примет или не согласен с идеологической направленностью государственного аппарата, заняв пусть честную, но нейтральную позицию, — лишения свободы, т.е. попадает в число уголовников.

Я не приветствую многопартийную систему, в которой существует раздробленная идейная направленность правления, где нет единого руководства страны. Обычно в такой системе в ходе противоречий — хаотическая политическая преступность, где случайному свидетелю преступления грозит гибель, где главному руководству неподвластны решения любой противоречащей партии, что способствует росту коммерческих сделок капитала до преступной деятельности и возникновению различных агентурных сетей; угрожающих самому же главному руководству страны. Но и в однопартийной системе устройство государства зависит от идейной направленности руководящих органов страны. Я считаю идею нашего государства и примкнувших к нему других стран, составляя один единый лагерь, более положительной, чем в другом лагере.

На умозрение человека ничто так сильно не действует, как яркие перипетии происшедших случаев, оставивших неизгладимый след в его душе и повлиявших на его дальнейшую жизнь. Так может случиться с каждым, особенно с эмоционально восприимчивыми людьми. Эпизоды, сыгравшие местами роковую роль, произошли со мной, неся за собою тяжелые, порою противоречивые последствия, которые изменили мои взгляды на людей, аспекты идейного воззрения на общественное устройство в государстве и т.д.

Если вспоминать все эпизоды, случившиеся за все мои сорок с гаком лет, то на деле придется писать целую книгу, что в мои планы не входит, ибо на это необходимо чрезмерно много бумаги и времени. Но, когда касается разговора об искусстве, то думаю вспомнить о том случае, который сильно отразился на моей психике и на моих взглядах, сложившихся под действием данного случая.

Мое окончание Художественного училища в Душанбе казалось успешным и, конечно, вселило в меня веру, пусть не в предполагаемое успешное поступление в ВУЗ в Ленинграде, то хоть в достойного конкурента абитуриентов, поступающих в учебное заведение Ленинграда. ВРОДЕ были у меня для этого все формальные данные: в приложении к диплому в пятибальных отметках отмечено о моем успешном завершении училища, о моей, казалось бы, достаточной подготовке для дальнейшего обучения и т.д. О какой же неуверенности могла идти речь, если бы ... — я не был допущен до приемных экзаменов! — Что это, ведь я недурно закончил училище? В чем дело, почему? Для меня это было столь неожиданным, что сразу сбило с меня спесь энтаково молодца! Правда, после совета абитуриентов, поселенных в общежитие на экзаменационный период, мне удалось, не без некоего привирания, выхлопотать разрешение на свое участие в экзаменах. И вот на экзаменах мне пришлось вочию убедиться в правоте приемной комиссии в решении не допустить меня до экзамена: я не годился даже на право быть конкурентом тех ребят со своим школьным развитием, тогда как эти ребята были развиты до довольно мощного уровня во всех вопросах. Не правда ли — результат довольно показательный! Если скажете нет, то тогда приведу идентичный случай с выпускником этого же училища, которое он закончил в одно время со мной: Машков Вячеслав окончил училище с более крупным успехом, нежели я, и, казалось, имел больше шансов на успех, да и при всей своей развитости, он нас всех был выше, и вот надо же — вторично поступал в этот же ВУЗ! А ведь он юридическое право имел на льготы при поступлении в институт, имея золотую медаль при окончании школы, да плюс — красный диплом Художественного училища! Что это — недоразвитость?! Только

спустя достаточного периода во времени, пройдя через определенные испытания не без лишений здоровья, энергии, мне пришлось убедиться во всей пагубности системы преподавания в Художественном училище, да и не только в училище, но и вообще во всех просветительных учреждениях, что не могло не отразиться на моем умозаключении со сложившимся выводом или, если хотите, понятием О ОГРАНИЧЕННОМ УРОВНЕ РАЗВИТИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ПЕРСОНАЛА Таджикистана, потому что — подавляющее число русского населения проживало здесь за счет корыстных целей благоудобства; носящие в себе презрительное отношение, смешанное с шовинистическими взглядами к местному населению таджиков и при той необходимости, данной указом с вышестоящих органов власти, они принесли с собой не интернациональные интересы, а равнодушные, с примесью коммерческой, правда, завуалированной, показухой, ревизионистские отношения к местным таджикам. Сейчас — за последние годы дела отрицательных русских предшественников не замедлили сказаться, породив некие, пока устные, брожения среди местных жителей; да и в нашу юную бытность уже были первые отголоски будущих, если не откровенных, то, по крайней мере, — подтекстных шумков. Вполне ясно — что действиями, которым я дал свою интерпретацию, пользуются прямые недоброжелатели интернациональных интересов нашей идеологии и, как правило, пытаются воспользоваться упущением сознательного интереса людей разных национальностей в интернациональных уточнениях и развить кому-то в угоду межнациональную рознь; а даже вполне возможно — просто, хоть в чем-то нанести в какой-то скрытой злобе на людей, при своей патологической ненависти ко всему окружающему, вред не только людям, но всему государственному строю.

Следующий случай был более потрясающий, который уже никак не мог не оставить тяжелое впечатление и острое разочарование в устройстве нашей системы.. Здесь поколебалась моя вера и в правильность нашей идеологии. Я считал, что истинной человеческой красотой является — нравственная, которая, дескать, облагораживает человека, и что она свойственна, прежде всего, женскому полу, совершенно не подозревая об обратном. Лишь спустя прошедших лет, в течении которых приходилось

сталкиваться с достаточным числом девушек и женщин, образ жизни этих особ поразил меня их животными запросами, в которых я винил преимущественно мужчин. Надев личину какой-то пресловутой нравственной морали, они затягивали в свои искусно-расставленные сети неискушенных юношей и потом: их мораль исчезала, показывая настоящее лицо в неприкрашенном свете. И к моему сожалению, как бы я не идеализировал этот "прекрасный" пол, получилось так, что я оказался "виноватым", а она "невинна" при создании семьи. Ну хорошо, — я виноват в своей вере к ней, хотя моя жена, сделав меня "мужчином", была далеко не "девочкой", да к тому же по своей воле, по своему желанию, о чем она проинформировала меня, правда, в более выгодном для неё свете /тогда я целиком ей верил/; то спрашивается, о какой её чистоте шла тогда речь, тогда как по неизвестным мне причинам, не ставя меня в известность своих намерений по отношению ко мне, тайком от меня, при активном участии всех её родственников пишет письма моей матери, стараясь очернить меня, оправдывая свой поступок какими-то "гуманными" отношениями ко мне? Судя по письмам, которые я с ужасом прочел, не веря своим глазам, — теща Величко Лина Маркеловна, со званием "Заслуженный Учитель РСФСР" принимает ведущую роль в этом грязном деле, где в письмах звучат претензии ко мне, — что, дескать, я не иду на левую работу и строю какие-то истерии, и травмирую её дочь и т.д. Хорошо: если я был таковым, каким они представили меня в письмах, то я не могу до сегодняшнего дня понять, к чему им нужен был весь лицемерный концерт со мною; зачем им понадобилось брать всю мою выручку заработной платы, — а я получал выше уровня средней зарплаты, что вполне обеспечивало семейный бюджет. /Да и жена находилась в академическом отпуску, ибо являлась студенткой; разве я с материальной стороны их стеснял, отказывая себе в мелочах; когда же я успевал находить время для называемых "истерий с концертами", тогда как меня не было дома — я находился на работе с восьми утра до девяноста часов вечера, перегруженный по горло работой?!/. Но это было хоть очень больно, — все же терпимо, если бы не финал случившегося. В то самое время я как раз собирался и готовился

вступить в партию. Произошло то, чему я так и не нашел ответа. Находясь на педагогической работе я, как само собой разумеющееся — находился под контролем горкома партии, отдела пропаганды и просвещения. После возникшего инцидента с семьей я, конечно, информирую своего непосредственного руководителя — начальника Управления культуры, который, искренне приняв во мне свое участие, решил через отдел пропаганды горкома в какой-то мере оказать воздействие на сознательность моей супруги, и что же из всего этого вышло? Во мне искали вину, прочитав явно компрометирующие жену письма, её же лишь слегка пожурили! И где, и кто!? Кто, как не представители партии, которой я верил и к которой я пошел за справедливым разрешением, пусть личной, но все же — незаслуженной обиды. Любой из партийных работников, почему-то, к таким случаям относится с крайним пренебрежением и, вопреки учению о внимании к людям, корят каждого, кто когда-нибудь придет к ним с подобными болями, т.е. отталкивают от себя людей и этим дискредитируют роль партии в жизни трудящихся. Об этом случае каждый из прагматиков сформулирует его как частное явление в обществе, на котором, дескать, не следует заострять внимание, забывая, что совокупность таких "частных" случаев составляет то большое, которое наносит моральное разложение в обществе.

И еще один пример привожу из своей жизни и не знаю — какой из указанных примеров убийственнее!

Я — молодой художник, еще довольно незрелый, со всеми, свойственными моего возраста, недостатками. Но с лучшими намерениями пишу холст на тему моего возраста прошлого поколения — "Дан приказ ему на запад", — тему злободневную, необходимую для молодежи. Приезжали как-то якутские художники /все действия, описанные выше, происходили в Туве, Красноярского края/ и посмотрели мой холст. Назвали, вроде, успешным началом моего поприща и посоветовали принять участие на зональной выставке и этим, конечно, подбодрили, как говорят, мое настроение и уверенность в моем дальнейшем развитии. С такими радужными надеждами я отправляюсь с холстом на суд зонального выставкома в Красноярск и до сих пор не могу придти в себя: полбеда, что

меня там отклонили или не признали, или бы хотя объяснили мои недостатки в работе, — нет, это они не сделали, а хуже: мало того, что надсмеялись, как мне показалось, но и общим советом присвоили мне ярлык "западного элемента с опасными отклонениями"! Да ко всем этим бедам прибавили и еще одну: целый год требовали у местных властей ~~лишить~~ лишить моего права на преподавание как в художественной школе, с немалым трудом мною собранной, так и в училище, где я вел предмет по живописи, т.е. лишить меня права на существование по своей законной специальности! И самое удивительное — мне многие советовали не упоминать об этом случае, дабы не скомпрометировать себя /смешно даже, — СЕБЯ!/ при устройстве на какую-либо работу. Этот случай ярко характеризует не идею, — идеологию прохвостов, влезших в партию на руководящие посты. Казалось бы на этих бедах должно все кончиться, но..... — ан, нет! Еще более поразительные истории ожидали меня впереди!

Итак — я далеко-о от "проклятого" Красноярского края, в котором я не увидел хваленую советскую власть; я в другом конце Союза, на самом западном — Калининградском, в областной периферии — в Советске. Какая красота! Пейзажи с холмами, с пролесками и лугами, покрытые сочным зеленым ковром, озерами, прудами, гармонирующими с древними готическими строениями, с омывающим с западного побережья Балтийским морем, с заливом Куршской косы, с янтарным наследством столь благодатного края. Просто чудесно — живи и радуйся! И что же? Что же, в конце концов, мешает там людям жить по-человечески? Каким зрением нужно обладать, чтобы разобраться в происходящих там явлениях: развитии алкоголизма, моральной деградации молодежи и трудового населения, утопающего в грязи нравственного падения;! каким нужно обладать языком, чтобы смело раскрыть преступные действия руководства вверенной им государством области?! Если, упаси меня, боже, кто-нибудь прочтет мою исповедь, то вполне возможно, — сочтет ее чрезмерной, если не опасной, вопиющей клеветой, — но положи руку на сердце, не преувеличиваю и приведу изумившие меня только те факты, которые произошли именно со мной и с присутствующими со мною друзьями и недругами. Имена

привожу достоверные.

Надо было случиться тому, что в моей глупой башке по приезду в Советск возник план будущего трудоустройства: решил пойти в отдел культуры прямо с работами и попросить меня откомендовать на достойную работу по своей специальности — хоть в театр, что ли? В это время как раз, помимо меня, как будто по заказу, в Советск прибыло пополнение: в городской отдел культуры устроился начальником Валерий /фамилию и отчество не помню/, одним словом — только что закончивший институт им. Крупской в Ленинграде, режиссерский факультет. Наряду с ним приезжает и его сокурсник — Флориан Ирмович Кеслер, и еще, наряду со всеми, приезжает проштрафивший, как я по ходу всех событий узнаю, в прошлом секретарь райкома или горкома районного г. Светлого этой же области, на должность первого секретаря горкома г. Советска. Надо отметить, что сам г. Советск — город Союзного значения с численностью, помимо стоявшей там дивизии, в сорок тысяч человек, да плюс ко всему с крупными промышленными предприятиями. По всем этим данным можно себе представить, какое "наказание" за незаконное превышение власти в Светлом получает Петушков Иван Иванович, ныне ставший главой крупного города с довольно крупными промышленными предприятиями. Ай-да наказание! Прямо-таки соответствующее принципу "социалистической идеологии", а мелкий ворюшка из низких слоев населения получает в наказание решетчатую "свободу"! Вот попробуйте доказать после этого справедливость "демократического" устройства нашей системы тогда, как здесь на лицо социальное неравенство; попробуйте доказать, что Петушков не вор! Далее, на виду у всего города он благоустраивается, и как!!!? Решил заполучить собственный особняк, предварительно пройдя по городу и высмотрев себе первый крупный этаж огромного, находившегося как раз в двухстах метров от дома, где жил я сам, дома. В настоящее время весь второй этаж занимал комдив, а первый этаж занимал замполит дивизии, находившийся в длительной командировке в ГДР.

Я не знаю, чем аргументировал Петушков, пытаюсь занять

этот этаж особняка, но знаю самое смешное: он, на общественных началах; что особенно любил делать, чужими и государственными силами начал производить капитальный ремонт, заодно со всем, решил снести все сараи соседних домов. А надо сказать, что квартиры этих домов были, в основном, на печном отоплении и сараи были необходимы для жителей неотъемлемой частью, но Петушкову, при всей возлюбленности к благоустройству, не приходили подобные мелочи в голову и в борьбе против частной собственности, он решил твердо выполнять свои намерения и, если будет необходимо, применить силу власти при содействии милиции.

Итак, его работники, на общественных началах, наконец завершают ремонт и Иван Иванович собирается вселиться в прекрасную обитель и....., надо же произойти такому казусу! — дом запечатывается военными властями с признательностью, с сообщением о возвращении замполита с длительной командировки! Вот было смеху! Вздохнули и жители этого района, ибо с удалением Ивана Ивановича сохраняются сараи, где обычно хранится топливо для печей. Но, если не в нашем, то в другом районе это мероприятие было приведено в действие в присутствии милицейских представителей, не взирающих на возмущение хозяев; все это я видел с окна больницы, в которой лежал.

Поселился Иван Иванович в новом доме типового строения 60-х-70-х годов благоустроенного типа в том районе, где осуществил свое экспериментальное намерение лишить частное владение, заключенное в сараях. И как всякий благородный руководитель стал выжидать более подходящего момента, когда бы можно было поселиться в желаемом особнячке. Но говоря о нем, я забыл о своем отношении к нему, а я ведь обещался об этом рассказать. В начале своего повествования я сказал о моих глупых намерениях, поддержанных новоявленным начальником отдела культуры. Не сразу, конечно, постепенно, но все же наступил час моего глупого желания: устроить выставку своих расчудесных работ, выставить их на суд зрителей, чтобы можно было при помощи зрителя подытожить свои удачи или неудачи; заодно — получить право на трудоустройство в подобающем месте по своей специальности. И вот он, — дорогой, долгожданный час! Час — с

которого начнется суд зрителей, суд народа моих поисков, моего труда! На открытие должен придти сам Петушков И.И. Начальник отдела волнуется, людей собралось много, ждут. Я спрашиваю начальника: — Почему оттягиваете открытие, ведь уже полтора часа как собрался народ? — Люциан, — отвечает он, — открывать выставку будет секретарь горкома в торжественной обстановке. — Да, но ведь люди, — говорю, — ждут. / Подожди, Люциан, — говорит он, — ведь нельзя же без него, он как никак — мэр города! Я, конечно, отвечаю, — все правильно, но мэр он или нет, он должен считаться и с людьми, и с их временем. Ведь и у них своих дел полно, да и как-то некрасиво выглядит подобное оттягивание время у людей! — Да потерпи, Люциан, — улыбается он, — начальство никогда не опаздывает, начальство всегда приходит во-время, да вот, кстати, оно и идет! — Я и увидел шествующую кавалькаду. Впереди шествовал, заложив руки за спину, кругленький человечек со стремительными, чуть ли не театральными, наполеоновскими шажками, с каким-то хмурым, по-керенски наигранным взглядом. У меня сложилось впечатление, будто он многовато любит репетировать перед зеркалом, дабы создать внушительное впечатление воображаемой публике. Впрочем, он с этого и начал. Не рассмотрев мои работы, и не попытавшись в них разобраться, он повел критику моих произведений, абсолютно не задумываясь о том, слушаю ли я его или нет, он сыпал словечки, не дав мне раскрыть рта для защиты своих работ; он был в таком экстазе от собственной самовлюбленной речи, что нисколько не думал о произведенном впечатлении на посетителей, окружающих его. Все же, кое-кому удалось прервать этот огромный поток речи и попросить выслушать искусствоведа, её мнение по поводу моих работ, на что Петушков бросил то, что было не к лицу первого секретаря горкома: — У нас еще есть искусствовед?! Подать его сюда! Урупина Татьяна Степановна — искусствовед, выбежала из зала с болезненным восклицанием: — Ой, как это ужасно, как мне стыдно! Стыдно! Да и впрямь — стыдно, и еще как! Когда я с глубоким чувством возмущения, пытался что-то выразить, Валерий, начальник отде-

да культуры, приложил пальцы к губам, дескать, молчи, иначе провалишь всю торжественную "радость" галочки моего, т.е. начальника культуры, мероприятия, проводящегося в городе. Я вышел на лестничную площадку и больше не слушал "наполеоновскую" речь и в крайне подавленном состоянии смотрел в окно на двор дома культуры, архитектурное строение, которое когда-то служило немецкой жандармерии; двор, окруженный строением всего здания с единственным выходом через арочное перекрытие — по-видимому, у немцев этот двор служил местом прогулки, заключенных в подвалах этого здания узников. Он был совершенно изолирован от внешнего мира, окаймленный четырехэтажным зданием, служившим помещением для следовательского и канцелярского персонала; сейчас это здание отведено под дом культуры, которое было подвергнуто косметическому ремонту без каких-либо архитектурных изменений.

Домой я пришел с подавленным состоянием духа, растопил печь, вскипятил чай и стал пить с грустным размышлением о прошедшем дне, сильно потрясшем меня. Но, как в народе говорят, беда не приходит одна, за ней следуют и другие. Так следовало мне ожидать и других бед, о чем я не подумал, а нужно было. Да, мне нужно было предусмотреть возможности возникновения очередных неприятностей и принять хоть какие перестраховочные меры, что я не сделал, и, откровенно говоря, не предполагал последующей подлости Ивана Ивановича, который, по-видимому, от всех гадостей, причиняемых людям, получал спортивное удовольствие. Через несколько дней в городской конференции работников ~~культуры~~ культуры он опять решил проявить свою осведомленность в искусстве: "... — тут какой-то абтракционист Приходько омрачил нашу жизнеутверждающую действительность, ну я понимаю таких художников, э-э как да-винчи или-и этот Мык-Мык-Мык... — как его там... — Мыкыландчело — вот художник! Я-а панимаю, а то этот какой-то Приходько... и откуда только он пришел?... нет таким места в нашем городе! /смех в зале/, или допустим еще в нашем парке на эстраде почему-то заведена какая-то западная музыка — трали-вали или буги-вуги.... что это такое, нормальным людям не отдохнуть и понаслаждаться музыкой... там молодыми

лебедями Чайковского /смех в зале, он приняв сказанное за остроумие, вторит смеху/, не-ет товарищи, с этим безобразием мы покончим навсегда! и т.д. — я вышел, воочию убедившись, что с такими как он, много каши не сварить. Откровенно говоря, на душе был горький осадок: рыба гниет с головы, — говорят в народе, и правильно говорят, — ничто не может быть заразительнее того примера, который внедряет в жизнь руководство, особенно находящееся в руководстве партии, — чем отвратительнее его воспитание, тем ужаснее поведение подвластных ему подчиненных; тот, кто не согласен с поведением руководства, выбывает из подчинения и лишается всех прав, законно принадлежащих ему; следовательно, автоматически он лишается права на существование и в корне — этот человек постепенно морально деградирует как личность, или подвержен давлению обществом, зараженным гнилым этическим воспитанием руководства. Отсюда и происходят такие явления, как пьянство с последующими развратом с преступностью, духовное обнищание, халатность и равнодушие; которые никак не могут не отразиться на экономике и на политической жизни общества в государстве. Еще много можно рассказать об эпизодах, крайне подвергающих сомнению справедливую структуру нашего государства, но более, прямо сказать, о страшном эпизоде не могу умолчать.

Разговор пойдет не о моей личности, а о моем друге, зверски загубленного не только одной мелкой душонкой, нет — для меня это не частный случай и я обвиняю!!!

С Вадимом Чернышевым я познакомился во время читки пьесы Л.Толстого "Власть тьмы". Скорее — не он со мной, а я с ним, поразившись его удивительным чтением персонажа пьесы — Акима. Удивительные обстоятельства свели нас в этой сложной работе над образами Толстого со сложившимися тогда сжатыми сроками осуществления нелегкой постановки этого классического произведения. В работе-то мы и сдружились, имея, оказывается, общего друга, покинувшего вследствие тяжелой болезни наш бренный мир. Одна особенность была у Вадима — это умение перевоплощаться при всей своей неказистой внешности, лишенной,

как обычно говорят, внешней фактуры, но с богатым амплуа, да ко всему обладал таким поэтическим даром песенника и сценариста, что нельзя было без восторга слушать его и читать его сценарии, с умело подхваченным основным стержневым сюжетом тех или иных писателей. Да и зритель полюбил его, идя больше всего не столько увидеть спектакль, как шел "на актера". Особенно запомнился происшедший с ним случай: как-то после очередного спектакля-премьеры "Бунт" Шагиняна, поставленным непосредственным режиссером Кодоловичем Б.Г., после почти всех дней премьеры, достаточно изнурительной, в исполнении главной роли Рожнова - героя пьесы, Вадим отказался участвовать в спектакле, так как в эти дни должен был продолжить премьеру его дублер Паудчюкайтис - актер достаточно грамотный и опытный, хотя особым даром, восхищающим зрителя, он не обладал. И надо было случиться тому, что Вадим, находясь в эти дни в отгуле, был пьяным, правда не в страшной степени, но все же; Паудчюкайтис же, действительно обязанный продолжить дни премьер, был пьян в высшей степени и позвонил в театр, что дескать болен и не в состоянии выйти на сцену; тогда приходит жена режиссера к Вадиму, уже "тепленькому", и просит его выйти на сцену, но Вадим "отмочил" в адрес режиссера..., одним словом - отказался! На следующий день администрация театра принимает чрезмерно крайние меры - увольняет обоих актеров по статье с театра; я лично не согласен с подобным решением, ибо, хотя и не отрицаю существующей вины Вадима перед театром, считаю подобное решение огульным по многим причинам предшествовавшим поведению Вадима: во-первых, администрация подошла к поведению Вадима без объективного выяснения причин; ведь он отработал свои положенные часы премьер, следовательно, находился на заслуженном отдыхе, вымотав себе силы на каждодневных премьерах; во-вторых, - он не нес ответственность за дублера, обязанного заменить его на продолжении премьер, согласно выставленным условиям театра, значит, Вадим имел право распоряжаться своим временем так, как он находил для себя удобным и в его отказе ничего предосудительного не видно. Другое дело, - что он в

адрес главного режиссера "отмочил" оскорбление, находясь в состоянии опьянения. Ну что же, можно было ограничиться выговором, а не незаконным методом выдворения человека за не столь ущемляющий театр поступок, если рассмотреть поведение самой администрации, которая располагала свободным временем, предавалась обычным оргиям, где вовсе теряли контроль над собой. А главный режиссер чаще всего подавал тому пример, тем более нередко попивал и с Вадимом и еще чаще можно было его видеть "под мухой" на улице по дороге домой из театра, рисующего ногами "восьмерки". Исходя из всего выразенного, можно сделать вывод о двойной несправедливости наказания, выведенного дирекцией театра, потому что тут, как не крути, пахнет личной мстью со стороны главрежа. И вот тут-то и началось то, о чем говорил, зритель шел не на спектакль, а на актера: узнав, что актер уволен, начал сдавать приобретенные билеты назад в кассу, так что дирекция театра была вынуждена просить Вадима вернуться в театр. Этот случай лишний раз подтверждает возможности таланта Вадима, защищенного зрителем. Моя дружба с Вадимом была тесно связана работой с ним в поисках всевозможных сценических вариантов, да и многое другое было, что связывало меня с ним, можно сказать — породнило. Мы уже действительно не могли обходиться друг без друга, даже на отдаленных расстояниях друг от друга. Тем тяжелее мне пришлось пережить его гибель.

.....

Сейчас я несколько отвлекусь от рассказа о Вадиме. Пишу холст с размышлением о пластическом решении, где у меня возникли мысли о красоте человеческого тела с удивительными пластическими формами, в которых получаешь наслаждение при поисках гармонических сплетений мускулатуры человека. У художников всегда существуют определяющие их степень зрелости этапы, без которых не сможет созреть их развитие во всесторонних областях воззрений. В противном случае, кроме мастерства у них ничего

не выйдет, не разовьется подтекстное видение окружающей их среды, сузится их круг мироощущений и интерес к обществу, и интерес познания природы в гуще самой жизни; от чего следует моральное развитие культуры: чем глубже развит художник, тем богаче его интеллектуальная натура, и наоборот — чем уже развит художник, тем ограниченнее его взгляды и отношение к окружающему миру, тем уже его специфический подход к делу. Этапы, о которых я говорю, помимо периода обучения начинаются с модернизации своих работ, т.е. с первых попыток экспериментальных поисков изобразительных средств; и, как правило, с подражания наиболее ведущим художникам мировой культуры, затем начинается период последовательного сближения с миром в более осознанном решении задач, поставленных уже не им самим, отвлеченных от запросов зрителей, а самой жизнью, необходимостью диктующей среды. В этот период у художника отбрасываются все ненужные налеты маньеризма, усиливается потребность к облагораживанию человеческой красоты и пейзажей; при этом случае, художник начинает подходить к передачам содержания более реальнее и доступнее для зрителя, он как бы сближается с ним. Но те художники, которые не прошли эти этапы, начав свой путь сразу "правильно" с предвосхищением их учителей, заканчивают "правильно" свою деятельность с выгодной для себя благосостоятельной жизнью и удачной карьерой; здесь я подчеркиваю опасную сторону этих несостоявшихся художников, которым не безразличен собственный престиж в обществе, и они по всей своей возможности пытаются различными методами дискредитировать любого талантливого человека со своим равнодушным отношением к искусству, из-за узости своего "правильного" воспитания. Для такого типа художников, кроме коммерческих интересов, никакой порядочности не существует!

.....

Теперь возвращаюсь к Вадиму. Вернувшись, по воле зрителей, в театр, мы с Вадимом предполагали возможность случая, когда против него будет подстроена провокация с целью выдворения его с театра. И этот случай представился. Вадим был бескомпромис-

сен в решении образов, над которыми работал, тем выгоднее было администрации использовать его бескомпромиссность за от-правную точку для провокационного давления, используя и дру-гие его слабые стороны, когда дело касалось выпивки. Так что на гастролях они этим не замедлили воспользоваться. Вадим по-кидает Советск и отправляется по приглашению в Чебоксары, где он не получает лучшие условия, особенно - бытовые, после чего он заболевает и вынужден покинуть и этот театр. Переехав в Великие Луки, Вадим заключает брачный союз с прекрасным, не по внешности, человеком - Кузьминой Светланой, человеком бес-корыстно любящим его, способным отдать всю энергию для его благополучия. Но несмотря на счастливую, казалось, жизнь для Вадима наступили беспросветные дни без сцены и, хотя он имел страсть к творческой работе по литературе, без театра жить не мог, а для существования вынужден был устроиться грузчиком, и все-таки он не терял надежды. Эти надежды поддерживала и Све-тлана, будучи уже беременной от него. Терпенье и надежды, на-конец, оправдались, - Вадима приглашают работать в Бийский те-атр, где он целиком уходит в труд, совершенствуя свое мастер-ство. Казалось бы, создались условия для работы и, действитель-но, у Вадима даже не стало времени на личные досуги. Как впо-следствии я узнал, ему, учитывая его семейное положение, реши-ли предоставить квартиру. В это же время, если не раньше, ус-траивается в театр г. Бийска одна окончившая челябинскую сту-дию особа на должность актрисы - Шереметьева Лариса; о ней я мало что знаю, когда говорю о ее способностях как актрисы, но она не была на проживании в какой-либо квартире с пропиской, потому, временно, была поселена, как и Вадим, в гостинице. Ра-зумеется и то, что по истечении дозволенного срока проживания в гостинице, она подлежала выселению, затем она вынуждена бы-ла бы покинуть театр, так как в противном случае ей грозило взыскание за нарушение паспортного режима. Тут она начала ис-кать всевозможные способы закрепления своей позиции дальнейше-го пребывания в городе. Надо же было случиться тому, что Ва-диму светила перспектива в получении квартиры и об этом она была хорошо осведомлена. Шереметьева, не гнушаясь возрастной

разницей, заводит любовные отношения с Вадимом и для закрепления дальнейших корыстных планов, высылает тайком от Вадима письмо жене Светлане Кузьминой о сводничестве Вадима с некоей актрисой, чем и наносит разрыв Светланы с Вадимом. Таким образом она, назвав себя женой Вадима, вынуждает его прописать её у себя в недавно полученной им квартире. Ну, а дальше она повела себя как по нотам: параллельно учась у Вадима актерскому мастерству, желая выдвинуться в прима-актрисы, искала подходящей возможности выжить Вадима из занимаемой им его жилплощади, прикидываясь заботливой и даже "ревнивой" супругой. Итак, проживя с ним в пределах четырех лет, ранней весной, спровоцировав скандал, она вонзила ему нож в глаз и, несмотря на то, что врачи после вживания глаза на место, собирались перевезти его в нейрохирургическое отделение для устранения опасности жизни, она увозит его к себе домой, где он тяжело умирал. И он скончался после инсульта!

Теперь у меня возникают вопросы: Почему преступница осталась на свободе и суд ей вынес слишком смягченное наказание, — когда лишь за одно причиненное физическое нанесение ножом раны по закону ей положено не менее пяти лет лишения свободы, а ведь нанесенная ею рана, да и последующие действия привели человека к смертельному исходу; почему её не заключили под стражу до окончания следствия, дав ей подкупить представителей юстиции для защиты, тогда как у нас привыкли держать менее провинившихся людей в КПЗ. Было бы понятно, если бы эта травма была случайной, но это оказалось совсем не так, как пыталась истолковать сама преступница со свидетелями, совершенно не присутствовавшими при этом акте. Почему не спросили прямых очевидцев разыгравшейся трагической драмы — детей, Щурьевых, ведь прямые очевидцы были и милиция, вызванная, как и "скорая", с большим опозданием, "не нашла" улики, не опросив детей, вернее — подростков! Каких "свидетелей" опрашивали на заседании суда, не учтя веские криминалистические показания, подтверждающие прямое отношение к убийству самой Шереметьевой?! Почему газета "Советская культура" отказалась публиковать об этом вопиющем преступлении не только Шереметьевой, но и юридических лиц, ог-

радивших преступление Шереметьевой, сославшись на свою беспомощность?

Не мало я знаю случаев, доказывающих злоупотребления юридических органов своими служебными правами по отношению к невинным людям, осужденных на немалые сроки лишения свободы, чем и калечили жизнь этих людей; здорово же они подрабатывают на своей должности! Ценой жизни совершенно неплохих, по существу — невинных людей.

Если кому-нибудь придется прочесть мои горькие воспоминания о этих эпизодах и усомниться в их правдивости или обвинить меня в безыдейности, или еще более — в клевете, то пусть знает о себе как о благополучном прагматике, который по своей, либо крайней трусости, либо, не лишенный догматической природы, вечно ходит в розовых незримых очках, либо просто недоразвитый тип дурака!!!

Когда заканчиваю холст — всегда почему-то возникает какое-то необъяснимое чувство неудовлетворенности, такое впечатление о торможении какого-то вспыхнувшего луча, который не сумел поймать. Так и сегодня: вроде подошел к какому-то концу, к какой-то завершенности и вот надо же — сравнив с прошлыми работами, не увидел роста той силы непосредственности, которая, казалось бы, должна вырасти за все, выработанные годами, средствами мастерства. Смотрю на холст и думаю, а еще вернее / вижу все достоинства: пластичность, свободнее стала сама живописность, порою, точность рисунка в анатомической пластике; одним словом, — есть все, что требуется для достижения единого целого холста, и все же ощущается отсутствие какой-то силы, которая обязана дать эффективное воздействие на эмоции, хотелось бы — на всех зрителей. Где-то в душе возникает внутренний протест против пройденного этапа, а выхода пока не вижу. Как же расковать какие-то незримые границы полученного мастер-

ства? Пытаюсь бросить определенный пучок света на один кусочек рельефа, сохраняя живописность холста. Работа над фоном персонажа произведения оказалась более сложной, чем я предполагал; фон — это одежда персонажей той или иной темы, он играет немаловажную композиционную роль в построении атмосферы героев сюжета. Как-то я был на республиканской выставке и увидел пренебрежительное отношение довольно маститых художников к фону и цвету; многие из них чуть ли не открыто кладут краски, совершенно искренне предполагая, что кладут цвет, а своих героев покрывают открытым контуром, считая его линией. На мой взгляд, такой подход к живописи приводит к графичности, т.е. исчезает живописность; сама же графичность в живописи приводит к засушенной фрагментарности монументальных решений, а еще лучше сказать — пародии монументализма, ведущего к упрощению. Очень уж многие невольно начали подражать Сальвадору Дали, а мне он совершенно не нравится: когда я смотрел на его работы, то у меня возникало впечатление, что я смотрел пособия по хирургической патологической анатомии и до того натуралистичной, что меня слегка подташнивало; и то, что называлось мыслью, то звучало очень завуалированно. Экстремизм Сальвадора Дали, по моему, явился следствием конструктивистского давления на его умозаключение, вследствие чего у него отпадает душевное видение мира и возникает холодное умозаключение к окружающей его среде, т.е. он подходит к миру с холодным, повторяю, конструктивистским методом, чуть ли не циническим взглядом. Хотя я никогда не имел возможности бывать за рубежом, если судить по той информации, которая дошла до меня, — там отношение к искусству более потребительское с коммерческими запросами, нежели с культурными потребностями. Если мне не верите, то тогда поезжайте в Москву и посмотрите на сконструированное французами стеклянное здание, наверное французского посольства или гостиницы, выстроенного в районе ВДНХ. Уже по этому сооружению можно судить о характерной черте их развития в архитектуре и равнодушном отношении при композиционном решении здания в окруженном его ландшафте. При таком подходе дел, здание смотрится

стеклянным аквариумом и, несмотря на необъятные его размеры, кажется слишком мелковатым и пестрящим "чудом" какого-то новаторства, тогда как совершенно недалеко стоит групповая композиция Веры Мухиной, поражающая не необъятными размерами, а силой интерпретации художественными средствами - "колхозник и колхозница".

Посмотрел фильм, совершенно статичный, основанный на приключенческом жанре. И как это все надоело - кормят и кормят одними пресловутыми успехами розыскных ищек! Что порою начинаешь сомневаться в правдивости данных событий, которые почему-то так стараются вылизать, будто оправдываются перед зрителем за те невинные души, заточенные в лагерях. Эти детективные фильмы стали похожи друг на друга: и все они с одним концом - сверхуспешными завершениями; а между тем - настоящие преступники благоденствуют. И каждая республика пытается - если не переиграть, то хоть не отстать от этой всеобщей интермедии!

.....

Был занят стиркой и уборкой, впрочем - размышлял о композиции, выступления Горбачева М.С. действуют на меня довольно четко. По-моему - его действия, в отличие от предшественников, более рациональны по содержанию, которое очень близко ко всеобщему настроению трудящегося люда: прекрасный метод передачи своих, не статичной казенностью, а четкой неторопливой речью, мыслей - достаточно определяют наболевшие, существенные наши вопросы. Вопрос, поставленный им в Рехьявике, смелый по своему действию, который оказал немаловажное значение на мировую общественность, тем более - на демократические силы в США, что решило исход выборов компаний в их пользу.

.....

Матери еще нет. Посмотрел первую серию фильма о Ломоносове, хороша история; когда-то, совсем недавно книгу о происхождении русских имен подарил самым мне дорогим людям - Павловым

Джону Дмитриевичу и его супруге – Валентине Михайловне. Очень редко такие книги можно увидеть на прилавках магазина, а жаль. В фильме про Ломоносова я невольно вспомнил об этой книге, в которой упоминается о довольно забавной религиозной реформе патриарха Никона, который ввел новые традиции религиозного преобразования, внося смуту в разоренном люде, влачащих нищенское существование, которые воспользовались этим для мятежей в той – столь разношерстной противоречивой Руси. В этих реформах были помимо положительных черт, отрицательные, которые, в конечном итоге, разрушили самобытный характер традиционной русской культуры, внося за собою также и перемены русских имен, которые в литературе несколько переименовали исторические точности древнерусского фольклора. За счет чего современные читатели отдалены от исторической действительности колорита той самобытной древней Руси. И тем отраднее, что в фильме жизнеописания Ломоносова, авторы пытаются упомянуть об этом, казалось бы незначительном, факте, но все ли зрители заметят это для полного представления о прошлом России? Фильм, мне кажется, представляет интерес больше историческими уточнениями, нежели художественным языком и, тем не менее, хотелось бы, чтобы нынешнее поколение отнеслось к нему с большим вниманием. Лично я люблю фильмы подобных содержания, но увы... прошлые фильмы по истории внесли немало сомнений в показе достоверности сюжетов о прошлом России, особенно в их интерпретации.

.....

Сейчас пытаюсь решить задуманную проблему на холсте, на тему явно злободневную – тему о МИРЕ; но дело, конечно, не столь меня тревожит, как тревожит подход к размеру того формата, в котором хочу решить ассиметрическую точку центральной тяжести фигурного плана, в котором смогу безошибочно бросить свой пучок света для концентрации внимания на образное решение задуманной темы.

.....

Все же решил повторить, некогда написанную в Горячих Ключах "ТРЕВОГУ", возможно в новой интерпретации или, учитывая по памяти прошлые ошибки, достичь глубокого совершенства, резко сместив группу фигур влево, т.е. — усилить ассиметричность композиции для придачи более мощного внимания в рельефном фоне, что по-моему должно сильнее сгустить атмосферу вокруг группы фигур. Планирую работать сразу над двумя вариантами: в первом варианте подойти с резкими условностями, нарушая академический подход; во втором варианте — с более академическим методом, — какой из вариантов будет выразительнее?

.....

На улице дождь. Самочувствие плохое, тошнит, кружится голова — наверно, действует погода.

.....

Вчера приехала мать, сегодня был отвлечен и по этой причине пока не занимался работой. Но самочувствие было неважное.

.....

Ночь. Попробовал поработать кистью, но пока результат еще в проекте. Немного запутался, не могу определить световое решение. Появилась робость перед поставленной перед собою задачей, по-видимому, слишком увлекся мелкими деталями пластических форм, забыв о целом. Удивительные происходят со мною вещи — только вчера, казалось бы нашел приемы подходов к определенным формам, как сегодня почему-то возник какой-то страх, боязнь потерять вчерашнюю находку. И снова, снова стараюсь собраться с мыслями об обобщенности холста: прежде всего надо избавиться от деталей, так мешающих собранности мыслей в передаче задуманной идеи и определить в конце-концов основной сгусток света, определяющий концентрацию композиции. Тогда при скупом количестве окружающих персонажей предметов, можно достичь богатую концепцию композиции.

.....